

ный' — 'лохматый, кудлатый, шероховатый' → 'курчавый' Ср рус *кудлáтый* 'лохматый' и рус диал смол *кудлáтый* 'курчавый' (Филин 16, 12) Ср также праслав **kǫdrь* 'кудри', объясняемое этимологами как "сложение местоименной приставки *ko-* и корня глагола **dyrati*" (ЭССЯ 11, 52)

В русских говорах записано также *xóрдать* в значении 'толсто прять', трактуемое О Н Трубачевым как продолжение праслав **xǫrdati* < и с **sker-dh-* 'резать, драть' (ЭССЯ 8, 147) Ср также относящееся сюда же рус диал (донск) *xордуны* 'остатки от всяких материй'⁷

Примечания

¹ Эйхлер Э К вопросу о реконструкции древнелужицкого словарного состава // Исследования по серболужицким языкам М, 1970, 195

² Картотека словаря брянских говоров ЛГПИ им Герцена Выписки В А Меркуловой

³ Кличчук Ф Д Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья М, 1968, 77

⁴ Куркина Л В Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков // Этимология 1979 М, 1981, 20—21

⁵ Варбот Ж Ж К реконструкции и этимологии некоторых праславянских отглагольных основ и отглагольных имен II // Этимология 1972 М, 1974, 45—46

⁶ Меркулова В А Украинские этимологии // Этимология 1973 М, 1975, 55

⁷ Соловьев В Ф Особенности говора донских казаков // Сб ОЯС, т 68, N 2, 50

Л. Хонти*

ЗАМЕТКА ПО ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ДЕВЯНОСТО

Среди наименований десятков в восточнославянских языках числительное *дев'яносто* (рус *дев'яносто*, укр *дев'яносто*, блр *дзев'яноста*), представляет собой элемент, по своей структуре не соответствующий системе (аналогично и числительное *сорок*, которое представляет другую, но уже удовлетворительно разрешенную проблему) Долгое время это числительное рассматривалось в качестве характерной особенности восточнославянских языков (Фасмер I, 492, Шанский I, 39) Однако Курашкевич обнаружил в рукописи 1420 г старопольскую форму числительного *dziewiętność*, точно соответствующую восточнославянской¹ Современные южно- и западнославянские языки знают лишь продолжения праслав **devęť desęť*, форма, которая засвидетельствована и в древнерусском, встречается в белорусском и в украинских диалектах (ЭССЯ 4, 223)

Трубачев считает форму **devęť desęť* общей в праславянском, а другой вариант, напротив, праславянской диалектной формой (ЭССЯ 4, 220) По всей вероятности, оправданно обе формы поступировать как праславянские В преобладающем большинстве славянских языков возобладал вариант, образованный по типу других назва-

*© László Honti 1989 г

ний десятков, и только в восточнославянском обобщено отступающее от данной структуры **devę(t)nosyto/*devęsyo* (ЭССЯ 4, 220) Это числительное, особенное по своей конструкции, с давних пор занимает исследователей, существует целый ряд попыток его объяснения²

По моему мнению, в настоящее время представляются вероятными следующие гипотезы, объясняющие проблему *девьяности*

1 Праславянской праформой для *девьяности*, по-видимости, было **nevĩnsy(n)* или **devĩnsy(n)*, восходящее к и-е **newñkonti*, а его звуковая форма, возможно, подверглась влиянию формы **ostāsъ(n)* '80', равным образом унаследованной от и-е праязыка, а позднее — формы числительного **syo* '100'³

2 В структурном отношении числительное '90' в древнерусском языке первоначально еще совпадало с наименованиями других десятков **devę(t)desęty* Звуковая форма этого последнего под влиянием числительного **syo* '100' изменилась в **devędesto*, потом в результате ассимиляции возникло **devędosto*, откуда через диссимиляцию *-d->-n-* возник непосредственный предшественник современной формы **devęnosto* Относительно последней фазы Семереньи замечает "диссимиляция поддерживалась морфологически (для говорящих), так как оба элемента *devę-* и *-sto* были ясны, но неясна функция вставного *-d-*"⁴

3 В русском языке сохранились остатки древнего девятнадцатого счета, который представлен в выражении "за тридевять земель" Дело в том, что русские, возможно, под влиянием соседей считали девятками, в этом случае '90' в счете играло ту же роль, какую обычно играет '100'⁵

Поэтому *девьяности* следует понимать как малую сотню, сотню девятками, это явление, по мнению Станга, аналогично отношению числительных '100'~'120' в германских языках, например, нем *hundert* ~ *großhundert*⁶

4 Гипотеза, предложенная в "Этимологическом словаре славянских языков", представляется компромиссом между объяснениями первым и третьим, эта гипотеза соответственно не исключает, что праславянский унаследовал от индоевропейского праязыка архаичное числительное для '90', которое "возм[ожно], отражает своеобразный, девятнадцатый счет, мыслимый как бы на фоне десятичного, откуда наиболее вероятное истолкование **neycen-kmta* или **neycen-kmta* как девятнадцатая сотня, "малая сотня", т е "сотня из девяток", в отличие, напр от "большой сотни" (так у германцев обозначалось число 120)" (ЭССЯ 4, 220)

В пользу существования в славянском девятнадцатой системы выступает также Шерех, когда он рассматривает числительное *девьяности*⁷

Вторая гипотеза, принадлежащая Семереньи, представляется более приемлемой, потому что она постулирует праславянскую систему числительных, в которой единообразно образованы названия для десятков Было бы удивительно, если бы числительные '20' — '80' были сконструированы на основе '10' и только '90' представляло бы иной принцип, это не относится, естественно, к разряду числительных, образуемых вычитанием из 100 (см ниже пункт 3)

Хорошо известно, что немало числительных в различных языках

обнаруживают форму, не соответствующую ожидаемым звуковым закономерностям, "поэтому следует эти слова рассматривать несколько иначе, чем остальные слова в языке"³

Нерегулярные звуковые изменения имеют три причины

1 Звуковая форма какого-либо числительного может быть "деформирована" в результате ассимиляции или диссимилиации, например, герм **femffe* '5' < и -е **penkce* (Kluge 224), лат *quinque* то же, в свою очередь, представляет результат регрессивной ассимиляции (там же), начальное *d-* для числительного '9' в балтийских и славянских языках, по мнению многих исследователей, должно объясняться диссимилиацией. лит *devyni*, лтш *deviņi*, ст-слав девать, ср лат *novem*, санскр *nava* и т.д.⁹

2 "Члены устойчивых словесных рядов, перечислений связаны тесными внешними связями, которые часто находят выражение во взаимном влиянии"¹⁰ Гомбоц приводит в качестве примеров названия месяцев и числительные¹¹ Изменения слова этого рода могут быть названы, по терминологии дравидолога М Б Эмено, "парадигматической ассимиляцией"¹² Между прочим, даже упоминавшееся начальное *d-* в числительном *девять* в балто-славянских языках объясняли аналогией с числительным *десять*¹³

3 При быстром темпе речи, особенно при быстром счете, могут образовываться аллегрные формы, как например, фин разг *seit(s)kytt yks* '71' литер *seitsemankymmentä yksi* то же Такие аллегрные формы могут стать всеобщими

Мне кажется, что на основе второй, наиболее приемлемой гипотезы Семерень достаточно реконструировать для '90' только праславянскую форму **devęť desęť*, являющуюся производящей для обоих вариантов в славянских языках **devęť desęť* > **devęťdesęť*, звуковая форма которого на протяжении истории языка подверглась деформациям, которые привели, в конечном счете, к *девянсто*: в одной части языковой области это вызвало диссимилиацию *d- d>d- n- devęťnesęť*, а этот новый вариант под влиянием числительного **sto* > *сто* '100' преобразовался в **devęťnesto* и наконец образовалась через ассимиляцию *e o>o o* уже известная нам форма **devęťnosto* Старопольское числительное, которого Семерень не мог знать, еще сохранило внутренний звук *-t-*, исчезнувший в восточнославянских Позитивная сторона этого объяснения заключается прежде всего в том, что оно считается с наличием единой системы числительных для десятков в праславянском, и позволяет объяснить числительное *девянсто*, как и его соответствия в остальных восточнославянских языках и в старопольском, на фоне естественных звуковых изменений, диссимилиации и ассимиляции, особенно частой в области числительных Диссимилиация и ассимиляция, а также аналогия, являются лишь возможными, но отнюдь не обязательными звуковыми законами, понятно, что на большей части славянского языкового пространства фигурируют продолжения формы **devęťdesęť*, не затронутой деформациями, можно даже говорить о некоем сосуществовании двух вариантов в восточнославянском и старопольском В противоположность объяснению этого рода Семерень считает свою первую гипотезу более убедительной, поскольку в том случае могли бы быть удовлетворительно решены

фонетические проблемы как для *девяносто*, так и для *сто*¹⁴ Но числительное *девяносто* можно путем естественных, обычных фонетических изменений разного рода вывести из единой праформы, образованной по общей модели остальных праславянских числительных для десятков, а **styo* можно надежно, по словам самого Семереньи, "без затруднений" объяснить как аллегро-форму из **sęto*¹⁵

3 Как уже упоминалось выше, представлялась бы странной единая система числительных для десятков с аномальными образованиями в пределах своего порядка, т е до '100' Но это не имеет места, если, например, '80' и '90' образованы путем вычитания из '100' (недавно снова появилась попытка истолковать и русское *девяносто* как вычитаемое¹⁶) Наилучшим образом это может быть показано с помощью обско-угорских языков, в особенности на хантыйских числительных, например, прахант **ěj-ěrt-sat* '90', дословно 'без одного сто', т е 'без одного десятка сто' > вост-хант *ěj-ěr-sat*, южн-хант *ār-sot*, сев-хант *jār-sat*, прахант **ěj-ěrt-čdrās* '900', дословно 'без одного тысяча', т е 'без одной сотни тысяча' > вост-хант *ěj-ěr-t'ōrās*, ср еще прахант **ěj-ěrt-təŋ* '9', дословно 'без одного десять' > вост-хант **ěj-ěr-jəŋ*, *jěr-jəŋ*, южн-хант *ār-jonj*, сев-хант *jār(t)-jaj*, прахант **ěj-ěrt-kəs* '19', дословно 'без одного двадцать' > южн-хант *ār-χus*, прахант **ěj* '1', **jəŋ* '10', **kəs* '20', **sat* '100', **čdrās* '1000', **ěrt* 'без, недостающий'

Хантыйские числительные '90' и '900' однозначно показывают, что они образованы при помощи вычитания некоего целого (т е десятка или сотни) из следующего порядка (т е '100' или '1000') Я считаю вероятным, что вычитание при построении наименований десятков или сотен возможно только в том случае, если тот же принцип использован и при построении единиц (ср хант '9') В этой связи еще нужно заметить, что возможные различные способы образования определенного ряда числительных не имеют ничего общего с системой счета и системой числительных, поэтому нельзя говорить о хантыйской и русской, как о бывшей девятеричной системе

И еще один аргумент против объяснения девяноста как сотни девятками Естественно, что языки не могут допустить сосуществования девятеричной и десятеричной систем (не говоря уже о том, как неудобна девятеричная), следовательно, этого не могло быть и в праславянском Смешанные системы числительных встречаются, когда существует противоречие между основным рядом и его многочисленными кратными, например, в каком-либо языке сосуществует пятеричная, десятеричная и двадцатеричная системы, дополняющие друг друга Таковы в Европе смешанные десятеричные и двадцатеричные системы во французском и датском, но все же доминирует в них десятеричная система

Для подтверждения существования девятеричной системы в славянском обычно ссылались на рус *тридцать* '27', собственно 'три девятки', это числительное встречается только в устойчивых фольклорных формулах (из русского языка оно попало в саамский¹⁷) Однако мы здесь имеем дело не с числительными или системой счета, но с магическим числом, которое не имеет отношения ни к способу исчисления, ни к образованию числительных Впрочем, число 9 —

любимое у монголов и киргизов¹⁸, но в их языках также используются чистые десятичные системы числительных

Вещи, предметы можно считать также большими кучами, связками, например, по десять или по сто штук, поэтому в некоторых случаях границы порядков могут обозначаться не изолированными лексемами, так, например, 100 во многих языках мира — это 'десять десятков' или 'большой десяток'¹⁹, 1000 может быть обозначена как 'большая сотня'. Например, в ингерманландском диалекте финского языка *kummen kumment* '100'~*sada* то же²⁰, в пермяцком диалекте коми языка — *das das* '100'²¹, в южном диалекте саамского — *stoere-luhkie* '100', дословно 'большой десяток'~*tjuetie* '100' (фин *sata* то же), ср *stoere* 'большой', *luhkie* '10'²² Цыганск (Уэльс) *barodež* '100', дословно 'большой десяток'²³, готтентоттск *gli-disi* то же²⁴

Об этих образований принципиально отличаются нем *Großhundert* '120', англ *long* или *great hundred* то же, дело в том, что они не выражают 'десятикратный' или 'степень от 100', их происхождение коренится в торговле, а источник, возможно, — в западно-скандинавском²⁵

Что же касается прилагательного 'малый' в составе числительных, то можно констатировать, что оно встречается крайне редко, мне известен один единственный пример из южносаамского *utt'je nimme* '100', дословно 'маленькая тысяча'~*stuor(r)e nimme* '1000', дословно 'большая тысяча'²⁶, здесь опять отражается то же противопоставление, которое мы имеем в предыдущих примерах (*nimme* — достаточно молодое слово, это числительное, которое употребляется преимущественно или исключительно при счете северных оленей, его исходное значение 'имя', так же, как и значения его эквивалентов фин *nimi*, венг *név*)

Таким образом, объяснение *девяносто* как "малой сотни" оказывается ложным

4 Итак, только гипотеза Семереньи легко объясняет нерегулярное числительное *девяносто* в восточнославянских и старопольском языках и естественным образом, без каких-либо уловок, позволяет производить его из числительного — члена соответствующей праславянской системы числительных, имевшего в основе числительное 10 и только его

Примечания

¹ *Kuraszkiewicz W* Staropolskie dziewiętnasto 'dziewięćdziesiąt' // *Studia slavica-baltica* Canuto-Olavo Falk sexagenario a collegis amicis discipulis oblata Lund, 1966, 93—96

² *Szemerényi O* Studies in the Into-European System of Numerals Heidelberg, 1960, 63—64. *Stang Ch* Russisch *девяносто* // *Lingua viget Commentationes slavicae in honorem V Kiparsky Helsinki*, 1964, 124—125; ЭССЯ 4, 220

³ *Szemerényi O* Op cit, 64—65

⁴ Там же

⁵ *Stang Ch* Op cit, 127

⁶ Там же

⁷ *Šerech J* Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen // *Lunds Universitets Årsskrift* 48/2, 1952, 94

⁸ *Donner K* Uralilaisista lukusanoista Virittaja 1933, 386—9

⁹ *Endzelins J* Comparative phonology and Morphology of the Baltic Languages // *Slavistic Printings and Reprintings* 85 The Hague, Paris, 1971, 181

- ¹⁰ *Gombocz Z* Nyelvtörtéketi módszertan A Magyar Nyelvtudomány Kézikönyve I/1 Bp., 1922, 37
- ¹¹ Там же
- ¹² Цит по *Андронов М С* Сравнительная грамматика дравидийских языков М., 1978, 239
- ¹³ *Tax Szemerényi* Op cit., 145, *Arumaa P* Urslavische Grammatik, III Heidelberg, 1985, 194, другие примеры см также *Gombocz* Op cit., 37, *Collinder B* Die Wörter für fünf, sechs und sieben im Lappischen // Festschrift til rektor J Qvigstad Oslo, 1928, 362, *Stang Ch* Op cit., 279—282, *Holmer N* The Semantics of Numerals // Årsbok utgiven av seminarerna för slaviska språk vid Lunds Universitet 1963—1964, 1966, 18—19
- ¹⁴ *Szemerényi* Op cit., 65
- ¹⁵ Там же, 150
- ¹⁶ *Березкина Е И*, *Розенфельд Б А* Доисторические времена // История математики с древнейших времен до начала XIX столетия М., 1970, I, 13
- ¹⁷ *Bergsland K* Numeral Constractions in Lapp // Liber secularis in honorem J Qvigstadii II, Oslo, 1953, 46—47
- ¹⁸ *Ramstedt G J* Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen // Journal de la Société Finno-Ongrienne 24/1, 1907, 18
- ¹⁹ *Fettweis E* Das Rechnen der Naturvölker Leipzig, 1927, 76
- ²⁰ *Porkka V* Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte Helsingfors, 1885, 76—77
- ²¹ *Wiedemann F* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen StPb., 1884, 7
- ²² *Bergsland K* Sydsamisk grammatik Tromsø, Oslo, Bergen, 1982, 128
- ²³ *Menninger K* Zahl und Ziffer Eine Kulturgeschichte der Zahl, Göttingen, 1958, I, 59
- ²⁴ Там же
- ²⁵ *Sommer F* Zum Zahlwort // Sitzungsberichte der Bayrischen Akademie der Wissenschaften 1950, 7, 66, 68
- ²⁶ *Hasselbrink G* Südlappisches Wörterbuch Uppsala, 1981, I, 110, 111

Перевела с немецкого *В А Меркулова*

М.А. Осипова

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. *МОРЫШ*, *МОРЫШКА*

Вопрос об этимологии рус *морышка* уже рассматривался В А Меркуловой, предложившей толковать это слово как тюркизм¹ Такое объяснение, однако, не исключает возможности иных толкований слова в связи с некоторыми ранее не учитывавшимися формами

Рус *морышка* имеет значение 'искусственная приманка для ловли рыбы, обычно каплеобразной формы, отлитая из свинца, разновидность блесны'² Это значение, представленное и в говорах, развилось на базе диалектного *мормыш* 'рачок-бокоплав Gammarus', представляющего собой излюбленную рыбаками естественную приманку По данным В А Меркуловой, в этом значении слово *мормыш* отмечалось в Пермской и Оренбургской губерниях, в бассейне Оби, для Урала приводится форма *мармаш*³ То же слово в других значениях и его производные *мормыш* 'лягушечий головастик' (волог., вят.), *мормыш*, *мормышж* 'низкорослый, заморыш' (вят.), *марамыга* 'насекомое (ползающее в стоячей воде)' (казан., с так наз "вторым полногласием"), *бормоши* мн 'черви для ловли рыбы (не дождевые)', *бармаш* 'мелкий рачок отряда бокоплавов', *бармашовка* 'род удочки' (Вост Сибирь)⁴